

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

КОНОВЕНКО В. И.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НА УКРАИНЕ

В условиях возрастания социальной значимости русского языка как средства межнационального общения народов СССР, дальнейшего развития и совершенствования национально-русского и русско-национального билингвизма, активизации взаимодействия и взаимообогащения языков происходят закономерные изменения в процессах функционирования русского языка в национальных республиках, связанные не только с расширением сфер его употребления наряду с родным языком, но и с повышением уровня его нормативности, использованием свойственной ему вариативности и т. д. К наиболее характерным особенностям функционирования русского языка в окружении национальных языков, проявившимся в последний период, могут быть отнесены: а) дальнейшее распространение и упрочение литературных норм русского языка, прежде всего лексических и грамматических; б) предпочтительное употребление в русской речи билингвов тех лексических и грамматических вариантов, которые по своим структурным признакам сближаются с соответствующими фактами родного языка; в) сужение сферы интерферирующего воздействия национального языка на русскую речь, концентрация интерферирующих явлений в отдельных, более проницаемых звеньях языковой системы; г) включение в русскую речь апробированных в художественно-литературных и газетно-публицистических текстах национально ориентированных этнографизмов, экзотизмов и других преимущественно лексических заимствований, калек. Одновременно усиливается воздействие русского языка на национальный язык, расширяется и обогащается их общий лексический фонд, появляются черты общности в структуре предложений, в лингвостилистической организации текста и т. д. [см. 1].

Учитывая, что «социологический подход к изучению проблемы культуры языка в условиях многонационального государства предполагает рассмотрение объекта исследования в условиях конкретной языковой ситуации» [2], можно заключить, что функционирование русского языка будет иметь свои специфические черты в зависимости от языкового окружения, степени владения русским языком и других социолингвистических и собственно лингвистических факторов. Особенности русской устной, в меньшей мере — письменной речи на Украине во многом обусловлены близостью русского и украинского языков, восходящих, наряду с белорусским языком, к одному источнику — древнерусскому языку, их параллельным развитием, постоянным, практически непрерывным взаимодействием на протяжении длительного исторического периода, а отсюда — возможным наложением фактов одного языка на факты другого языка в речи билингвов. Современная языковая ситуация в республике характеризуется общим достаточно высоким уровнем развития украинско-русского и русско-украинского билингвизма, что предопределяет параллельное общение на одном и другом языке в различных условиях, как в общественно-политической, экономической, культурной, научной сферах, так и в быту. Вместе с тем определяются социально-демографические и речевые факторы, способствующие преимущественному общению на украинском или русском языках; русский язык шире используется, в частности, в городской местности, в многонациональных производственных коллективах, на крупных промышленных предприятиях, в среде рабочих, инже-

нерно-технических работников. Однако границы распространения украинского и русского языков постоянно смещаются, не являются закрепленными за определенными общественными сферами [см. 3, с. 7]; русской речью пользуется сельское население, интеллигенция; получило распространение и смешанное употребление, оно может проявляться как в общении собеседников на разных языках, при котором обычно достигается полное взаимопонимание, так и в чередовании украинских и русских фрагментов в речи одного собеседника, в большей или меньшей степени придерживающегося литературных норм каждого языка.

Русская речь на Украине, имеющая давние и прочные исторические традиции [см. 4, 5], отличается ориентацией на нормативное употребление, относительной однородностью и стабильностью, незначительной региональной дифференциацией. Русская устная речь в украинском языковом окружении формировалась в результате сложного взаимодействия русского литературного языка в его письменной и устной разновидностях и городского стереотипа, сложившегося в Киеве, Харькове, других крупных центрах преимущественно Левобережной Украины (в незначительной мере сказывалось воздействие и одесского жаргона). Общесистемные параметры этой речи в ряде проявлений смыкаются с фактами русского просторечия, южнорусских говоров, во всяком случае, с теми из них, которые находят свои аналоги в украинском литературном языке (ср., например, произношение фрикативного [ʁ], акцентную норму *зб́нят*, формы *бежи, хочут*, управление *идти со школы, говорить за него* и др. [см. 6, 7]). Функционирующие на Украине островные русские говоры, связанные преимущественно с миграцией в исторически отдаленный период, в силу факторов социолингвистического характера существенно не воздействуют на русскую устную речь украинцев, хотя некоторыми фонетическими, лексическими и грамматическими чертами сближаются с русской речью в украинском языковом окружении [8]; по-видимому, это можно объяснить, во-первых, воздействием на русскую речь на Украине южнорусских говоров в целом, к которым частично принадлежат и островные говоры, во-вторых, общими результатами интерференции украинского языка как в говорах, так и в русской речи украинцев. В большей мере на русскую речь на Украине оказывают влияние диалектные проявления украинского языка, особенно заметные в области произносительных норм (ср., например, произношение [л], среднего между русским и европейским, в речи полтавчан, жителей западных областей Украины); как результат по характеру фонетической интерференции подчас можно соотнести русскую речь украинца с тем или иным украинским диалектным окружением.

В то же время русская речь на Украине, в том числе устная, находится под постоянным, все более усиливающимся воздействием и контролем русского литературного языка с присущими ему нормативностью и кодификацией, с одной стороны, благодаря письменным источникам его изучения, средствам массовой коммуникации и т. д., с другой стороны, благодаря ограниченному непосредственному смешению с русской разговорной речью основного ареала (хотя связи с русской разговорной речью поддерживаются в силу движения населения и других социально-демографических факторов). Поэтому русская речь в украинском языковом окружении лишена ряда типичных примет русской разговорной речи основного ареала (ср., например, нехарактерные в целом для русской речи украинцев объединения в одном фонетическом такте — синтагме — нескольких знаменательных слов, их динамическую неустойчивость в высказывании и др. [9]).

Степень владения русской речью отдельными социальными группами населения, тем более индивидами, естественно, не совпадает, определяясь комплексом разнородных социально-демографических, психологических и собственно лингвистических факторов (социально-общественная среда, пол, возраст, национальность, профессия, состав семьи, социальное положение, родной язык, язык непосредственного окружения и т. д. [см. 10]). Среди билингвов представлены группы лиц, владеющих русским и украинским языками в координативной форме (полное соблюдение норм

обоих языков), в субординативной форме (соблюдение норм обоих языков с незначительной интерференцией); владеющих преимущественно русским языком и знающих украинский на уровне репродуктивного билингвизма; пользующихся преимущественно украинским языком и знающих русский на уровне репродуктивного билингвизма [см. 11]; наиболее представительны группы владеющих двумя языками в субординативной форме и пользующихся преимущественно украинским языком со знанием русского на уровне репродуктивного билингвизма. Вместе с тем в русской речи на Украине заметна тенденция к дальнейшей унификации, выравниванию различий в овладении ею, связанная с общим движением к повышению культуры устной и письменной речи, довольно однородным воздействием интерференции. В этих условиях происходит процесс нивелирования, нейтрализации двух видов билингвизма — украинско-русского (родной язык — украинский, второй язык, которым свободно владеют, — русский) и русско-украинского (родной язык — русский, второй язык, которым свободно владеют, — украинский). По приметам русской речи говорящего (если в ней отсутствуют ярко выраженные черты украинского диалекта) достаточно трудно с полной достоверностью определить статус его родной речи. У части опрошенных ответ на вопрос, какой язык является для них родным, а какой — вторым языком, которым они свободно владеют, нередко предопределяется не тем, какой язык их преимущественного общения, а национальной принадлежностью и иными внеязыковыми факторами. При этом, как правило, не учитывается и объективный уровень владения украинским или русским языком, поскольку говорящий в условиях сравнительной однородности русской речи на Украине не осознает в полной мере степени ее правильности, нормативности. В то же время у одних и тех же лиц наблюдается и своеобразная диглоссия [12] — параллельное владение русским литературным языком, нормами разговорно-литературной речи с незначительными отклонениями, вызванными фонетической интерференцией, и одновременно — устно-разговорной речью со значительными отклонениями, обусловленными интерференцией на разных уровнях языковой системы; эти различия проявляются в зависимости от ситуации общения (прежде всего — официально-деловой или обиходно-бытовой), речевого окружения и других факторов.

В собственно лингвистическом плане параллельное владение двумя близкородственными языками ведет к преимущественному использованию в русской (соответственно и в украинской) речи билингвов тех лексико-семантических и грамматических вариантов, которые в звуковом и структурном отношении ближе стоят к фактам другого языка; в связи с этим происходит движение в сторону доминанты вариативного ряда тех вариантов, которые являются общими для обоих языков. Специфика русской речи в украинском языковом окружении заключается в параллельном функционировании вариантов, принятых как литературная норма, вариантов, лежащих на границе литературной и нелитературной (просторечной, регионально-ориентированной) нормы, и вариантов, выходящих за пределы литературно-нормированной речи. Изменения в системной организации соответствующих вариативных рядов проявляются, во-первых, в удлинении ряда за счет привлечения вариантов, входящих в периферийную, пограничную с нормой зону, а также за счет ненормативных, прежде всего заимствованных из украинского языка вариантов; во-вторых, в сокращении ряда за счет вариантов, противоречащих принятым в данном регионе, в том числе существенно расходящихся с соответствующими вариантами украинского языка; в-третьих, в изменении функциональных характеристик, в частности, в смене частотности употребления вариантов, их внутрирядовых перемещениях, активизации одних и переходе в пассивный запас других вариантов, нейтрализации и дифференциации их значений, стилистических коннотаций и др. На выбор варианта воздействует ряд факторов, и прежде всего более принятая в данной среде норма, ориентированная на русский литературный язык, но не всегда совпадающая с его нормой, в то же время так или иначе испытывающая опосредованное воздействие нормы украинского языка. Так, в синонимическом ряду *лошадь*,

конь под воздействием украинского языка активизируется употребление слова *конь*, частично теряющего свои коннотации (ср. укр. *кінь, коняка*); в ряду *луна, місяць* возрастает частотность слова *місяць* (ср. укр. *місяць*), причем резко снижается его маркированность [см. 13]; существенные сдвиги происходят в ряду слов *ложь, неправда, обман, лганье, вранье, враки, брехня* [14]: увеличивается частотность слов *неправда* (ср. укр. *неправда*), *обман* (укр. *обман*), слово *брехня* частично утрачивает признаки просторечия, сохраняя налет грубости, снижается употребительность слов *ложь, лганье, вранье*, особенно *враки*, не имеющих звуковых соответствий в украинском языке. Среди вариантов избыточных глаголов (*машет, махает*) преобладают разговорные образования (*махают*, ср. укр. *махать*); активизируется употребление форм родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода на *-у*, ведущее к ослаблению у них оттенка партитивности (*с испугу, от холоду, стону, народу* и др.) [15, с. 272—275]. В ряду словосочетаний с глаголами речи и мысли (*говорить о нем, говорить про него*) активизируется разговорная конструкция с предлогом *про*: *Я про то* ничего не знал (ср. укр. *говорити про нього*), при этом частично нейтрализуются ее стилистические коннотации; ср. параллельное употребление в одном контексте сочетаний с предлогами *про* и *о* в русскоязычной литературе Украины: «Он об этом лучше меня, может, знает. Про историю у него книг полная этажерка» (Ю. Черный-Диденко, Ключи от двorca); «Горько вспомнить про былое, странно вспомнить о былом, про хозяйские заботы с непосильной кабалой (П. Беспощадный, Семья Кленовых)» [16, с. 171—172].

Вместе с тем в русской речи на Украине наблюдается и противоположный процесс — отталкивание от норм, совпадающих или сближающихся в двух языках, использование расходящегося с украинским варианта (в языковом сознании говорящего такой вариант как противоречащий украинскому представляется правильным; эти проявления особенно заметны у лиц, следящих за своей речью, например у учителей, студентов и т. д.); ср., например, поддерживаемое русским просторечием *ложить* вместо *класть* (укр. *класти*). Своеобразная звуковая контаминация, вызванная, с одной стороны, русским просторечием, с другой, — отталкиванием от норм украинского языка, видна в достаточно широком употреблении различных ненормативных сочетаний с предлогом *с* типа *звонят с министерства, связать с шерсти, лекция с философии* и под. (в нормативной русской речи здесь употребляются предлоги *из, по*: *из министерства, из шерсти, по философии*, в украинском языке — предлог *з* (*із, зі*): *із міністерства, з вовни, з філософії*, предлог *с* в русской речи украинцев может рассматриваться и как рефлекс украинского *з* [16, с. 125—126]); как проявление тех же процессов характеризуется и ненормативная мена предлога *с* предлогом *из*: *идти из фабрики*.

Постоянное контактирование приводит к проникновению элементов одного близкородственного языка в другой, проявляющемуся как в фактах прямого заимствования, так и в активизации, творческом возбуждении внутренних ресурсов языка. При значительном влиянии русского языка на украинский наблюдается и обратное воздействие украинского на русский; лексические заимствования в русском языке охватывают преимущественно сферу культурно-этнографических реалий, и поэтому, хотя в количественном отношении соответствующих слов достаточно много, их использование ограничено речевыми ситуациями, отражающими условия жизни и быта украинцев. Одна часть этнографизмов, традиционно привлекаемых писателями, учеными и т. д., постепенно стала принадлежностью русского литературного языка и фиксируется словарями (*хлопец, девчата, бандура, свитка, жито* и др.), другая часть используется в русской устной и письменной речи спорадически, ограничена рамками территориально привязанного употребления (*смерека, колыба, парубок, кузня* и др.). В то же время провести четкую границу между лексическими заимствованиями из украинского языка, прочно вошедшими в русский литературный язык, и этнографизмами, служащими средством воссоздания национального колорита, но не ставшими достоянием другого языка, доста-

точно сложно, что объясняется близкородственным характером заимствования, не требующего особого приспособления к нормам другого языка (в частности, орфоэпическим, словообразовательным, синтаксическим и др.). Очевидно, однако, что слова, имеющие в русском языке эквиваленты другого звукового состава, несмотря на свою распространенность в русской речи на Украине, а также в южнорусских говорах, в своем большинстве вряд ли могут считаться принадлежащими русскому языку (ср. *мелека* — *журавль*, *кавун* — *арбуз*, *бурак* — *свекла*, *ставок* — *пруд* и т. д.). С другой стороны, некоторые лексические заимствования из украинского языка поддерживаются существованием в периферийных зонах русского языка близких по звучанию слов, частично совпадающих с заимствованными по семантическому объему; ср., например, устарелые слова (*селянин*, укр. *селянин*; *камора*, укр. *комора* и др.), просторечные (*байка*, укр. *байка*; *глум*, укр. *глум* и др.), областные (*клуня*, укр. *клуня*; *тын*, укр. *тин*; *курень*, укр. *курінь*; *гай*, укр. *гай* и др.). Использование тех или иных образцов образования слов из близкородственного языка происходит как при отсутствии в языке соответствующих моделей, так и при наличии моделей, продуктивность которых возрастает под воздействием другого языка; преобладает путь стимулирования деривационных потенциалов, присущих языку. Ср., например, появление в русском языке по модели слова *хлебороб* (укр. *хлібороб*) слов *землероб*, *хлопкороб* [15, с. 15]; активизацию различного рода дегинитивов, сопровождаемую снижением уменьшительно-ласкательного значения, ср. *ложечка*, *чашечка*, *вилочка*, *ножик*, *садик* и под. (по данным исследователей, в украинском языке такого рода образования более распространены, чем в русском языке [15, с. 292]); суффиксы уменьшительности проникают и в область глагольных форм (*спатки*, *спатоньки*, *питоньки*).

Интерферирующее воздействие украинского языка на русскую речь проявляется как непосредственно, в результате прямого наложения специфических черт украинского языка на русский в языковом сознании говорящего, так и опосредованно, путем воссоздания, репродукции территориально ограниченной русской речи. Поэтому интерференция отмечается в русской речи лиц, владеющих украинским языком как родным, и живущих на Украине в течение сравнительно длительного периода лиц, родным языком которых является русский, даже тех из них, кто слабо владеет или не владеет украинским языком. Однако довольно стойкий характер интерференции, проявляющейся на разных уровнях языковой системы, и прежде всего в орфоэпии, словоупотреблении, управлении, отнюдь не означает, во-первых, что степень владения русским языком в близкородственном языковом окружении имеет предел, вызванный интерферирующим воздействием родного языка (часть населения, например, многие работники просвещения и культуры, прочно овладевает литературными нормами); во-вторых, что эти особенности являются стабильными, не поддающимися действию целенаправленного обучения (о возможностях такого обучения говорит, в частности, различная степень владения литературными нормами); в-третьих, что интерферирующие черты имеют типологические признаки и создают особый вариант русского литературного языка [см. 3, с. 10].

В научно-теоретическом плане интерференция, вызванная украинским языком, характеризуется как достаточно сложное явление, имеющее неодинаковую интенсивность действия на разных уровнях языка, выражающееся как в явной, внешней форме, в непосредственно перенесенных из украинского языка особенностях, так и в скрытой внутренней форме, в активизации или торможении употребления тех или иных вариантов, в их переосмыслении и по-разному преломляющееся в устной и письменной речи, в функционально-стилистических разновидностях литературного языка. Интерференция родного языка определяется в конце концов степенью ее воздействия на системную организацию тех или иных участков языковой структуры. В частности, наиболее существенная по своим последствиям фонетическая интерференция при взаимодействии русского и украинского языков проявляется не в изменениях в произношении

тех или иных гласных и согласных, а «в неосознанной замене отдельных звеньев русской фонетической структуры подобными, но не тождественными звеньями, типичными для украинского языка» [17, с. 38]. Так, достаточно последовательны и системно обусловлены отклонения от нормативного произношения в области вокализма, хотя и не дающие оснований говорить о качественно отличном варианте реализации гласных в русской речи украинцев, но, во всяком случае, о прочных, устоявшихся тенденциях (ср. употребление более задних по сравнению с нормативными ударных [a], [o], общее ослабление редукции гласных в безударных позициях, что ведет к частичному сохранению их основного качества, фактическому отсутствию иррациональных звуков [ɤ], [ɐ], ослаблению различий в произношении гласных в первом предударном и других безударных слогах, уменьшению различий в длительности гласных в ударных и безударных слогах, а в целом — к дополнительной вокализации произношения [см. 17, с. 40—50]). Нарушение количественной и качественной редукции безударных гласных существенно воздействует на акустико-ритмическую структуру фонетического слова (в то же время характерная для русской речи украинцев тенденция к увеличению длительности безударных слогов не объясняется непосредственным влиянием ни русского, ни украинского стереотипов [18]). Интерференция в области консонантизма проявляется менее последовательно и охватывает сравнительно ограниченный набор звуков и их сочетаний, что противоречит действию системного принципа изменений (ср. произношение на месте нормативного взрывного [r] фриктивного [ɣ], по своим артикуляционной и акустической характеристикам близкого южнорусскому диалектному [ɣ], но заметно отличающегося от фарингального согласного [h] в украинском языке; оглушение заднеязычного звонкого в соответствующей позиции не в [k], а в [x]: *ko[x]mi*, *no[x]mi*, *sto[x]*; реализацию фонемы [v] в двух вариантах — как губно-зубного [v] и билабиального [w], не чередующегося с [ɸ], прежде всего в конце слова; отсутствие оглушения звонких согласных; твердое произношение согласных в конце слова: *любо[w]*, *сте[p]*, *се[m]*; твердое произношение [p] в конце слова и слога: *косо[p]*, *n[pa]mo*; распространение полумягкого [č] (в украинском [č] твердое), наличие мягкого [ɟ], в частности, в заимствованных словах на *-ция*: *нация*, *организация* [17, с. 52—74]). Эти особенности консонантизма частично свойственны русским говорам, т. е. не являются чужеродными для русского языка, отвечают исконным тенденциям его развития. В то же время некоторые особенности фонетической системы (например, фриктивное [ɣ], полумягкое [č] и др.) и интонационной организации высказывания (менее резкое по сравнению с речью основного ареала выделение акцентируемых слогов, более плавное завершение фразы [17, с. 87—112]) свидетельствуют об активных интеграционных процессах в русской устной речи на Украине, проявлении в ней нового качества, не разрушающего, однако, основных структурных черт произносительно-интонационной нормы.

Более подвижна, спорадична, менее предсказуема лексическая интерференция; проникновение в русскую речь украинских слов, не вызванное необходимостью создания национально-языкового колорита, обычно носит случайный характер, определяется не только незнанием соответствующего русского эквивалента, но и условиями спонтанного выбора из ряда межъязыковых синонимов, предполагающего их понимание собеседником; замена русского слова украинским может поддерживаться их звуковым сходством; ср.: *он выхвалял меня; она довела эту теорему; он вырешил этот вопрос; приделаю т большое внимание* и др. (из записей устной речи).

Сравнительно ограниченное действие интерференции на словообразовательном уровне объясняется, во-первых, параллелизмом процессов и тенденций развития деривационных систем двух близкородственных языков, во-вторых, преимущественно скрытым характером воздействия одного языка на другой в данной сфере, проявляющимся в калькировании, в том числе семантического типа. Изменения, вызванные интерференцией, могут быть связаны с активизацией словообразовательных моделей, свой-

ственных обоим языкам, но более продуктивных в украинском языке; ср., например, употребление в русской речи на Украине наименований лиц женского пола по профессии или роду занятий на *-ка*: одна часть таких образований смыкается с русской разговорно-бытовой сферой (*танцорка, учителька* и др.), другая часть в большей мере обусловлена влиянием украинского языка (*авторка, актерка, библиотекарка* и др.); ср. также некоторые глагольные образования с префиксами *по-* (*попо-*), *на-* (*пострелять* в значении «застрелить», *попоездить, народиться* и др.).

Действие интерференции в незначительной степени распространяется на область словоизменения; ср. нарушения в исторических чередованиях согласных звуков при образовании глагольных форм: *бежу, бежат, бежи* (укр. *біжу, біжать, біжи*), *ляжу, лягут, ляж* (укр. *ляжу, ляжуть, ляж*), *хочем, хочете, хочут* (укр. *хочемо, хочете, хотять*). Ср. также прямой перенос в русскую речь на Украине форм имен существительных на *-ы* (*ноги, доярки, текстамы*) [15, с. 270—271], форм прошедшего времени на *-в* (*читав, писав*), форм 3-го лица ед. и мн. числа глаголов настоящего — будущего времени на *-ть* (*он ч и т а е т ь, они п и ш у т ь*), форм 1-го лица мн. числа на *-емо, -имо* (*пользуемся произносимо*) (такая интерференция обнаруживается у незначительного числа лиц, слабо владеющих русским языком) [17, с. 115].

В сфере глагольно-именного управления интерференция проявляется не столько в изменении сочетаемости слов (ср., например, русск. *принимать во внимание*, укр. *брати до уваги*, в русской речи на Украине *брать во внимание*), сколько в замене одних предложно-падежных форм другими. Набор предлогов и падежей, подпадающих под действие интерференции, достаточно широк и разнообразен (ср. мену предлогов *у — в, из — с* и др., не сопровождаемую изменением падежа: *взять у него — взять в него, выйти из института — выйти с института*, мену предлогов *о — за, над — с, к — до* и др., сопровождаемую изменением падежа: *скучать о нем — скучать за ним, смеяться над ним — смеяться с него, ехать к брату — ехать до брата*, сохранение предлога при изменении падежа: *ходить по горам — ходить по горах* и др.). Например: *Вошел у подъезд, а там темно; В некоторой части учителей (не во всех) ученики отсиживают на уроке; А я за контрольную забыл; Девочки с нашего класса спорили, что скромность нужна; Кастрюля с чего сделана, с алюминия?; Нехорошо надсмехаться с товарища; Что ты до него привязался?; Они просто завидуют на мой берет; Добро побеждает над злом* и др. (записи устной речи). Интерференция в употреблении предложно-падежных форм затрагивает системные участки языка; это проявляется, в частности, в развитии новых синонимических и антонимических отношений предложно-падежных форм; ср. формы с указанными предлогами *у — в, из — с, о — за, над — с, к — до*, входящие в новые вариативные ряды; сочетания с антонимическими предлогами *в — с (в дом — с дома), у — из (у дом — из дома), от — до (от дома — до дома)* и др.; в развитии новых омонимических форм, например *с дома* в значении «из середины дома», «сверху дома» и др.

Воздействие интерференции на акты коммуникации может быть различным [см. 19], но применительно к условиям близкородственного билингвизма она обычно не препятствует пониманию русской речи; в частности, существенно не затрудняет восприятие речи фонетическая интерференция. Однако не исключаются ситуации общения, в которых проявляется действие «межъязыковой омонимии», т. е. семантической интерференции, связанной с пониманием русских слов и сочетаний слов в значениях, свойственных украинскому языку, при этом в разной степени могут нарушаться нормы литературного языка; ср. русск. *уродливый* «некрасивый» и укр. *вродливий (уродливий)* «красивый», русское ненормативное *сказать за него* может истолковываться как «сказать о нем», «сказать вместо него». В ортологическом аспекте интерференция рассматривается как явление нежелательное, определяющее невысокую степень владения русским языком, как отклонение от нормативного употребления и потому требует всестороннего анализа на достаточно широкой фактологической основе, усиления внимания к усвоению норм русского литературного язы-

ка [см. 20]. В плане изучения заимствований в процессе контактирования близкородственных языков интерференция, и прежде всего на лексическом уровне, может интерпретироваться как промежуточный этап потенциального проникновения элементов одного языка в другой; в этом смысле интерференция квалифицируется с позиций расширения лексических возможностей языка, в частности, в иноязычном окружении. Интерференция позволяет установить степень проницаемости различных уровней языка, в том числе под воздействием близкородственного, результаты наложения соотносительных фактов родного языка на русский в условиях билингвизма и в этом понимании является объектом сравнительно-сопоставительного исследования систем двух языков.

Русская речь на Украине в письменной фиксации, и прежде всего в русскоязычной художественной литературе, опосредованно, в литературно обработанном виде отражает устные формы высказывания (в речевых партиях персонажей) и в то же время представляет самостоятельный научный интерес как своеобразный лингвостилистический феномен с присущей ему системой словесно-образных средств [см. 21]. К отличительным лингвистическим особенностям русскоязычной художественной литературы Украины, а также некоторых произведений, созданных выходцами с Украины, можно отнести: 1) неоднородный характер передачи специфики русской речи в близкородственном языковом окружении (наряду с произведениями, в которые широко вводятся украинские речевые элементы, слова с признаками интерференции, представлены тексты, фактически лишенные национального колорита; показательно, в частности, творчество поэтов Н. Ушакова, Л. Выпеславского и др., весьма ограниченно, только при использовании местного материала обращающихся к украинизмам); 2) достаточно строгое различие авторской речи и речи персонажей; если в речь автора украинизмы вводятся преимущественно с целью воссоздания культурно-этнографической среды, то речь персонажей в большей или меньшей мере имеет приметы как русской речи на Украине, так и украинской речи; 3) неодинаковое отражение в речи персонажей воздействия украинского языка; в большей мере в ней представлены лексические, частично — фразеологические заимствования, в меньшей мере — отклонения в морфологических формах, средствах синтаксической связи (предлогах, союзах, частицах); в редких случаях с помощью русской, иногда — украинской графики передаются особенности произносительных норм. Ср., например: «— Ты *чуешь*, Панас? — тихо спросил он Марушак. — *Чую-то чую*, — ответил Марушак, — но я думал сперва — может, это ты?» (В. Беляев, *Старая крепость*); «*Нехай вам грець!* Чешите языками дальше, а я пойду *хлопцям* писать!» (там же); «Потому вас так и учу, *що* сам не уберегся. *Ближче* б носом до земли, и ничего б не было» (Ю. Черный-Диденко, *Сказание о первом взводе*); «По дорогам *ще* так-сяк... ну, а полем *хиба* бронетранспортер и проскочит, а так средний *чи* тяжелый танк... тому достанется!» (там же) и др.

Использование разнообразных словесно-конструктивных средств передачи особенностей речи персонажей в русскоязычной литературе Украины подчинено задачам художественно адекватного отражения: 1) русской нормативной речи, 2) русской устной речи в украинском языковом окружении, 3) украинской речи персонажей, 4) макаронической, смешанной русской или украинской речи со значительными вкраплениями элементов другого языка. Дифференциация этих разновидностей речи затруднена, подчас не поддается точной квалификации, к тому же не всегда целесообразна, поскольку такое воссоздание речи героя художественного произведения — обычно стилизация, а не буквальный слепок. Здесь могут быть не только применены лингвистические приемы анализа, но и изучены конситуационные условия, учтены экстралингвистические факторы (путем установления места и обстоятельств действия, речевой среды общения, национальной принадлежности говорящих и т. д.). В зависимости от целевой установки автора на более или менее полное воспроизведение особенностей речи персонажей степень ее «украинизации» может существенно колебаться, иногда украинская речевая стихия входит в текст без

замечных ограничений: «Ото ж бачите лысинку промиж посадками? ..Цетриста шестий километр... Перший переїзд. А дали — станція Беспаловка, там другий... Цей, що на Беспаловці, цей — головний, товарищу полковнику!» (Ю. Черный-Диденко, Сказание о первом взводе). В то же время русскоязычная литература пользуется и более сложной, на первый взгляд, малоприметной системой воспроизводства украинской речи персонажей средствами русского языка; это достигается выбором лексико-грамматических вариантов, близких к украинским, и отражением самого строя, ритмичеселюдики украинской речи; ср.: «Под Сталинградом или в другом месте, про то не ведаю, набито много немецких танков» (Б. Горбагов, Непокоренные); «— А что, как надолго?.. — Того быть не может» (там же); «А вчера град ударил. Здоровенный. Не град — картечь! Виноград молодой побил» (В. Беляев, Старая крепость). При этом, очевидно, сказывается и ориентация писателя на читателя — всесоюзного, в основной своей части не знающего украинского языка, или республиканского, в основном владеющего украинским языком. В то же время проявляются, и прежде всего в литературе, изданной за пределами республики, факты весьма приблизительного, искаженного отображения особенностей речи украинцев. Авторы соответствующих текстов, судя по всему, слабо владеющие украинским языком, видимо, не осознают существенных отклонений речи своих персонажей от норм не только русского, но и украинского языка; ср., например: «— Та ж у больнице усє... У Галы... А Галычка-то наша... Ой, люды, люды... Вмирає дєтєсєчка... Уси побигли... — Идє вона? Больныця — яка?.. — На Володарьського... У новий. Може, що живая... Да ты-то не Сашок ли, що Галу¹ бросил?» (Ф. Ветров, Картошка в натюрморте).

В переводах художественных произведений с украинского языка на русский в основном сохраняются лингвостилистические особенности русскоязычной литературы Украины; в то же время здесь в большей мере ограничивается непосредственное введение украинской речевой стихии (если не считать этнографизмов и сознательно непереводимых компонентов текста — украинских песен, пословиц и поговорок, ономастического материала). Исключение составляют автопереводы произведений А. Довженко, их можно было бы назвать украинским и русским вариантами, настолько они отличаются друг от друга; благодаря украинским речевым элементам русские тексты писателя стилистически более разнообразны и колоритны, чем однородные по речевому материалу украинские. Например: «Э! Не будь нас з Григорием, нікто б науки в Харькові и не нюхал. Сколько мы этих книг перевезли за тридцать лет. Там з одних палитурок можна б тысячу пар черевиків пошити» (А. Довженко, Земля) и под.

Русскоязычная публицистическая литература Украины, нередко располагающая параллельным текстом на украинском языке (на двух языках издаются, например, журналы «Коммунист Украины», «Под знаменем лєнінізма», «Рабочая газета», газета «Вечерний Киев» и др.), характеризуетсє сравнительно редким проникновением в нее украинского речевого материала [см. 17, с. 309—317]; контакты с украинским языком проявляются в преимущественном использовании близких к украинским вариантов, в привлечении украинского культурно-этнографического речевого материала. Однако иногда в целях создания национально-речевого колорита в русский текст включаются фрагменты украинского текста, этот прием применяется и в центральных газетах: «Дєвушка не медлит с ответом. Дитки єй лєбы»; «Я вимогаю з вас полной отдачи» (Правда, 1984, 31 мая).

Развитие русской речи в близкородственном украинском окружении определяется разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, к дальнейшей нормализации, преодолению традиционного смещения русских и украинских литературно-языковых норм в результате усилий школы, благодаря средствам массовой коммуникации, миграции русского населения и т. д., с другой стороны, к усилению действия интерференции в свя-

¹ Курсивом даны формы, не существующие в украинском языке и его просторечии.

зи с широким распространением русского языка как языка общения наряду с украинским языком; ведущей в этих процессах является нормализаторская тенденция.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белодед И. К.* Ленинская теория национально-языкового строительства в социалистическом обществе. М., 1972, с. 201.
2. *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* О некоторых вопросах развития языковой культуры народов СССР. — ВЯ, 1966, № 2, с. 3.
3. *Иванов В. В., Михайловская Н. Г.* Русский язык как средство межнационального общения: актуальные аспекты и проблемы. — ВЯ, 1982, № 6.
4. *Зеленецкий К.* О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855.
5. *Долочев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Одесса, 1886.
6. *Болдырев Р. В.* Структурно-семантические процессы в русской речи. Киев, 1967, с. 71—74.
7. *Попова З. Д.* Просторечное употребление падежных форм и литературная норма. — В кн.: Синтаксис и норма. М., 1974, с. 179—180.
8. Русские говоры на Украине. Киев, 1982, с. 5.
9. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983, с. 9—43.
10. *Копыленко М. М., Саина С. Т.* Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982, с. 14—15.
11. *Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969, с. 80—82.
12. *Крысин Л. П.* Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. — В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976, с. 62—63.
13. *Ижакевич Г. П., Кононенко В. И., Иллинский И. П., Сиротина В. А.* Сопоставительная стилистика русского и украинского языков. Киев, 1980, с. 117—118.
14. Словарь синонимов русского языка в двух томах. Т. I. Л., 1970, с. 516.
15. Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении. Киев, 1981.
16. Русский язык — язык межнационального общения и единения народов СССР. Киев, 1976.
17. Культура русской речи на Украине. Киев, 1976.
18. *Прокопова Л. І., Тоцька Н. І., Цінцора Л. Ф.* Акустично-ритмічна структура російського мовлення на Україні — Мовознавство, 1984, № 5, с. 33.
19. *Дешериева Ю. Ю.* Проблема лингвистической интерференции в современном языкознании. — В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
20. *Белодед И. К., Ижакевич Г. П., Черторижевская Т. К.* Русский язык как источник обогащения языков народов СССР. Киев, 1978, с. 78—112.
21. Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977, с. 101—131.